

ПРЕЗУМПЦИЯ ЗНАНИЯ ЗАКОНА КАК УСЛОВИЕ ВИНЫ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Краткая аннотация. В статье в контексте задачи обеспечения доступности уголовного законодательства анализируется общеправовое правило «незнание закона не освобождает от ответственности за его нарушение» и на этой основе вносятся предложения по совершенствованию порядка опубликования уголовно-правовых актов, их обнародования, комментирования, разъяснения гражданам. Аргументируется вывод относительно возведения презумпции знания уголовного закона в принцип, предлагается редакция соответствующего нового законоположения.

Ключевые слова: доступность уголовного законодательства, общеправовое правило, опубликование, обнародование, комментирование, разъяснение, уголовно-правовые акты, презумпция знания уголовного закона, принцип, новое законоположение.

Уголовное законодательство не предусматривает общеправового правила презумпции знания закона как условия вины и ответственности в качестве самостоятельного уголовно-правового принципа. Не возведены в статус принципов и такие правила, как, например, недопустимость применения уголовного закона в отношении деяний, не предусмотренных им в качестве преступлений, но аналогичных по отдельным признакам тем, которые им предусмотрены в качестве таковых (недопустимость применения уголовного закона по аналогии¹), недопустимость применения в отношении деяния вновь принятого более строгого закона и обязательность применения в отношении деяния вновь принятого более мягкого закона (обязательность придания обратной силы

¹ В данном случае мы имеем дело с укоренившимся в уголовном законодательстве «сленгом» (ч. 2 ст. 3 УК РФ), который является неоправданным в силу не только его неопределенности, но и неверности по существу. Запрещается применение уголовного закона *по какой* аналогии, по аналогии *с чем, почему* запрещается... – все эти вопросы остаются недоступными для понимания в законодательной формулировке о том, что «применение уголовного закона по аналогии не допускается».

вновь принятому более мягкому закону и недопустимость придания обратной силы вновь принятому более строгому закону²), не придание состоянию опьянения, независимо от его степени, значения обстоятельства, исключаящего вину и ответственность (за исключением случаев, когда это состояние сочетается с состоянием невменяемости, в том числе обусловленным факторами, не связанными напрямую с состоянием опьянения), приоритет российских законов перед законами других государств, обязательность действия российских законов на территории всего Земного Шара – в отношении наших граждан и лиц без гражданства (постоянно проживающих на территории Российской Федерации), а также в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства (не проживающих постоянно на нашей территории), совершивших преступления, посягающие на российские интересы.

Формально нет принципа презумпции знания закона как условия вины и ответственности и в других, помимо уголовного, отраслях законодательства. Но так как по существу все с детских лет (и особенно в школьные годы) знают о том, что нельзя брать чужое, портить вещи, вредить кому-либо каким-либо иным образом, а тем более обижать, бить кого-то, и вообще недопустимо делать все, за что могут осудить люди, то каждый, совершая нечто предвзятельное, психологически готов к тому, что за него придется, так или иначе, отвечать, в том числе собственными ущемлениями. И тем более каждому доподлинно известно, что ссылаться на то, что предвзятельные действия совершены «по незнанию», «по глупости», как бы «само собой» – себе дороже: «получишь» и за допущенное плохое поведение, и за ту «глупость», которая к не-

² Использование в ст. 10 УК РФ словосочетания «обратная сила уголовного закона» тоже следует признать некорректным – прежде всего, из-за его двусмысленности. Буквальное его прочтение может навести на мысль о том, что закон в каких-то случаях действует *вопреки* своему прямому назначению, а именно не укрепляет правопорядок, а «разлагает» его, действует не *против преступления*, а *против тех ценностей*, на которые оно посягает, то есть, как иногда полагают некоторые не подготовленные к семинарским занятиям студенты-юристы, не... «против преступника», а... «за него». Было бы более правильным использовать в законе несколько иные формулировки, а именно такие: 1) недопустимость несвоевременного применения нового более строгого закона, то есть закона, вступившего в силу уже после совершения деяния и усиливающего его наказуемость (или устанавливающего его наказуемость вновь); 2) обязательность применения более мягкого нового закона, то есть закона, вступившего в силу уже после совершения деяния, но смягчающего его наказуемость (или вовсе ее устраняющего).

му привела – чтобы впредь был, так сказать, умнее, расторопнее, предусмотрительнее.

Все это вошло, можно сказать, в наши плоть и кровь, в само сердце, в сознание, душу. Применительно к правонарушениям сказанное приобрело характер неписаного правила, суть которого выражается обычно следующими всем известными словами: незнание закона не освобождает от ответственности за его нарушение. Справедливости данного правила учат и семья, и школа, и практика правосудия, и вообще все, что нас окружает.

Между тем, если говорить о сфере преступного поведения, то здесь, надо заменить, многие уголовно-правовые запреты формулируются в законе со ссылками на те или иные весьма *специфические* и к тому же *меняющиеся* правила. Это, например, запреты, формулируемые в *бланкетных диспозициях* уголовно-правовых норм, содержащих ссылки на меняющиеся нормы налогового, гражданского, административного, трудового и иного («внеуголовного») законодательства. Такого рода нормы, не теряя своей административно-правовой, гражданско-правовой или иной собственно отраслевой сущности, включаются при определенных условиях (например, при наступлении каких-либо тяжких последствий) в структуру соответствующих норм уголовного законодательства и становятся (хотя, понятно, и временно, лишь на время совершения соответствующего преступления и решения вопроса об ответственности за него) их неотъемлемой принадлежностью, органической составной частью, важным конструктивным признаком. Эти запреты касаются, в частности, крупных и особо крупных размеров ущерба, доходов, задолженности – например, в преступлениях в сфере экономической деятельности. Может быть, еще совсем недавно эти размеры были *одними*, а сегодня они становятся (в основном в связи с инфляционными процессами) уже *совершенно другими*.

Так, постоянно меняются крупный и особо крупный размеры неуплаченных налогов или сборов в составах налоговых преступлений. Если *еще вчера* они измерялись тысячами рублей, то *сегодня* – уже миллионами. Человек, ввиду, например, длительной зарубежной командировки, продолжительного на-

хождения на лечении, иных отвлечений или прочих извинительных обстоятельств, мог и не знать того, что его поведение, *еще совсем недавно* рассматривавшееся законом как вполне добропорядочное (или, по крайней мере, не выходящее за рамки дозволенного уголовным законом), *в настоящее время* уже признается преступлением – со всеми, разумеется, вытекающими отсюда последствиями. Наконец, человек мог просто вовремя не сориентироваться в меняющихся условиях, а следовательно, и в правовой сути собственного поведения – в частности, по причине особенностей своего интеллектуально-волевого состояния (постоянного или временного).

Как быть, во всех этих случаях? С одной стороны, закон, определяя понятие вины и его форм, ничего не говорит о *сознании* лицом правовой запрещенности деяния, признаваемого преступлением, но с другой – совершенно очевидно, что законы пишутся именно для людей, и законодатель, конечно же, *рассчитывает* на то, что люди их читают, вникают в их суть, достаточно отчетливо понимают пределы разрешенного поведения. То есть мудрый законодатель (иным он, разумеется, и не может быть по самой своей сути), нацеливая свои законодательные нововведения на ту или иную сферу жизнедеятельности острого уголовно-правового контроля, исходит из того, что граждане, ознакомившись с новациями и верно уяснив их суть, *будут* соблюдать установленные новые правовые требования. Отсюда вытекает обязанность законодателя постоянно знакомить граждан с издаваемыми им правовыми новациями, подробно трактовать их смысл, значение и назначение, разъяснять их содержание, пропагандировать важность и необходимость прислушиваться к новым правовым требованиям, неукоснительно их соблюдать, быть готовым к тому, чтобы, в случае их нарушения, отвечать за это.

В данной связи вспоминается давний случай. Еще в советское время одним из сибирских судов был оправдан привлеченный к ответственности за самогонварение (был такой период в нашей истории, когда данное деяние признавалось преступлением) 89-летний сельский житель. На высказываемые по его адресу в судебном заседании упрёки прокурора в недопустимости подоб-

ных действий старик неизменно отвечал недоумением: а почему..., а где это сказано..., читать не умею..., да и газет в деревне никто не выписывает..., радио тоже нет..., о телевизоре только слышал от кого-то..., продукты для браги в магазине не покупаю..., денег на это нет..., пенсия маленькая, на жизнь ее едва хватает, да и необходимости в том нет – все необходимое для этого дела в огороде растет... «Губишь, – продолжает заседать прокурор, – свое драгоценное здоровье». «Да нет, – отвечает незадачливый подсудимый, – на здоровье пока не жалуюсь, скоро буду отмечать 90-летие... Дай бог и вам дожить до этих лет...». Постановляя по данному делу оправдательный приговор, суд сослался, на то, что привлекаемое к ответственности лицо *не осознавало* общественной опасности совершаемых действий – ввиду преклонного возраста и ряда других обстоятельств, не позволивших лицу быть осведомленным в соответствующих правовых требованиях.

Этот подсудимый в чем-то напоминал «злоумышленника» из известного одноименного чеховского рассказа – человека, который никак не мог взять в толк, в чем же его все-таки обвиняют – ведь отвинченная им от железнодорожного полотна для удилица гайка, по его собственному представлению, никак не могла привести к крушению поезда. «Злоумышленник», помнится, был все же осужден. Но если вникнуть в описанную писателем ситуацию, то можно прийти к выводу о том, что достаточных оснований для этого не было, так как никакого умысла (а тем более «злого») в его действиях не содержалось. Невежественный (в юридическом смысле) крестьянин не понимал не только запрещенности совершенных им действий, но и их общественной опасности. «... Нешто из-за одной отвинченной гайки крушение случится...», – недоумевал он. Заметим, что, ко всему прочему, во времена А.П.Чехова такие люди (жители сельской местности) сплошь и рядом были неграмотными. С законами их никто, понятно, не знакомил, само понятие «правовое просвещение населения» тогда вообще отсутствовало, а миссия священнослужителей в общении с прихожанами ограничивалась в основном лишь самыми общими взятыми из Библии поучениями – типа «не убий», «не укради» и т.п. Да и тогдашнее пра-

восудие далеко еще не «доросло» до того понимания вины, которое свойственно современному правосудию.

Однако, несмотря на наш просвещенный XXI век – век освоения Космоса, сплошной грамотности населения, компьютеров и всеобъемлющей мобильной связи, Интернета, кабельного и спутникового телевидения, теле- и радиокommunikационных систем, по существу поголовной автомобилизации и начала внедрения нанотехнологий, век, когда, благодаря широкой сети юридических вузов, едва ли не в каждом доме есть уже свой дипломированный юрист, ситуация с правовой грамотностью населения с тех пор в принципе все же мало в чем изменилась. Во-первых, изданиями законодательных, правительственных и иных официальных органов киоски не торгуют, так как их давно уже никто не покупает – и скучно, и накладно, и необходимости в их приобретении вроде бы особой не ощущается (жива еще в народе шутка: «Много будешь знать – быстро состаришься»). Что касается радио и телевидения, то они давно уже напрочь устранились от своей прямой обязанности информировать население о новых законах. Предпочитают развлекать и веселить нас, да к тому же выкраивать время для рекламы. Депутаты же поддерживают «связь с народом» (если поддерживают вообще) только в периоды избирательных кампаний. А, во-вторых, в действующее законодательство вносится так много изменений, что уследить за всеми ими практически невозможно. Даже профессиональные юристы испытывают в этом определенные затруднения. В связи с чем, кстати, правовая работа все еще грешит ошибками, в том числе подчас весьма существенными. К тому же рядовые россияне настолько придавлены повседневными заботами, что ни на что другое у них просто не хватает времени.

Проблему правовой осведомленности наших граждан следует, как представляется, решать с нескольких сторон. Во-первых, само законодательство должно стать более стабильным. Нельзя его менять едва ли не каждый божий день. Если не грянула (не дай бог) война и не наступили еще какие-либо другие чрезвычайные обстоятельства, то новые законоположения должны, накап-

ливаясь, публиковаться едиными пакетами с какой-то более или менее устойчивой периодичностью – допустим, раз в три, четыре или шесть месяцев. Во-вторых, законы должны готовиться на понятном, доступном для всех языке. В-третьих, одновременно с новыми законами должны публиковаться также их *официальные* комментарии (а не просто их доктринальные интерпретации). В-четвертых, целесообразно одновременно публиковать и сведения об общих принципах новых законоположений. Это существенно способствовало бы повышению уровня юридической грамотности населения. В-пятых, важно установить официальный запрет на введение законов в силу *в день опубликования*, так как в стране немало таких местностей, куда «Российская газета» (издание, оперативно публикующее официальные тексты новых законов) доходит только спустя дни, недели или даже месяцы (если, конечно, вообще доходит). В-шестых, требуется установить такой порядок, при котором опубликование новых законов сопровождалось бы и их *реальным обнародованием*, в том числе посредством прессы, а также лекций и индивидуальных бесед, которые проводились бы как опытными юристами, так и студентами-старшекурсниками юридических вузов. Кстати, здесь весьма сгодился бы и потенциал негосударственного высшего юридического образования, которое сегодня не обругивает (часто необоснованно) разве что только ленивый. Наконец, в-седьмых, пакеты новых законоположений со всеми необходимыми приложениями к ним должны, как представляется, бесплатно направляться в каждую семью, каждую квартиру, каждый индивидуальный дом – конечно же, под роспись.

Все это в совокупности не позволит нарушителю закона ссылаться на его незнание. Да и претензии государства на статус *правового* станут в этом случае более обоснованными, а следовательно, и более оправданными. Если еще в древнейшие времена короли и другие монархи обнародовали принимаемые установления обычно громогласно и повсеместно, заставляя свои боевые отряды объезжать буквально все селения, трубя сборы и с выражениями «Слушайте, слушайте, слушайте... И не говорите потом, что вы этого не слышали...» внедряли в сознание людей то, что от них требовала власть, то тем более *сегодня*

мы должны тоже многое делать в этом же направлении – безусловно, трудном, но очень важном и крайне обязательном.

В данной связи представляется целесообразным во всех трех предложениях п. 3 ст. 15 Конституции РФ термин «опубликование» дополнить термином «обнародование» – естественно, с усилением акцента на последнем термине. Новая редакция данного пункта видится нам в следующем виде: «Законы и иные нормативные правовые акты подлежат обязательному официальному опубликованию для всеобщего сведения, а также их повсеместному обнародованию, состоящему, как минимум, в бесплатной доставке текстов официально опубликованных законов в каждую семью, каждый дом, каждую квартиру – с разъяснением сути опубликованных законов в специальных приложениях и непосредственно, то есть в форме публичных лекций, а при необходимости – и в форме индивидуальных бесед. Неопубликованные официально и должным образом обнародованные законы не применяются. Опубликованные и должным образом обнародованные законы вводятся в силу не ранее одного месяца после их полного обнародования (если обстоятельства не требуют более быстрого введения их в силу), а в необходимых случаях – не ранее трех, четырех, пяти или шести месяцев, если сложившиеся обстоятельства не требуют более продолжительных сроков введения опубликованных законов в силу – например, одного года, двух или трех лет. Опубликованный закон считается в полной мере обнародованным после доставки его текста со всеми необходимыми комментаторскими и разъяснительными приложениями в каждый дом, каждую квартиру, семью (под роспись) и проведения соответствующей лекции, а при необходимости – еще и индивидуальной беседы по месту жительства граждан. Любые нормативные правовые акты, в особенности затрагивающие права, свободы, законные интересы и обязанности гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения и должным образом не обнародованы».

Полагаем, что правило презумпции знания *уголовного* закона следует возвести (для правильного понимания данного закона и с учетом его особой

строгости) в статус *принципа* уголовного законодательства – с закреплением его в этом законодательстве (например, в нововведенной ст. 5.1 УК РФ) в следующем виде:

«Статья 5.1. Принцип презумпции знания уголовного закона

Нарушение уголовного закона вследствие его незнания влечет уголовную ответственность на общих оснований, если такое незнание не касается запретов, формулируемых со ссылками на специфические и меняющиеся правила, относящиеся к другим отраслям законодательства, и не явилось следствием иных извинительных обстоятельств – например, не исключающих вменяемости интеллектуально-волевых особенностей нарушителя закона. Если такое незнание касается запретов, формулируемых со ссылками на специфические и меняющиеся правила, относящиеся к другим отраслям законодательства, или явилось следствием иных извинительных обстоятельств – например, не исключающих вменяемости особенностей интеллектуально-волевого состояния нарушителя закона, то суд, установив эти обстоятельства и признав их извинительными, принимает решение об отсутствии вины у лица, совершившего соответствующее деяние».